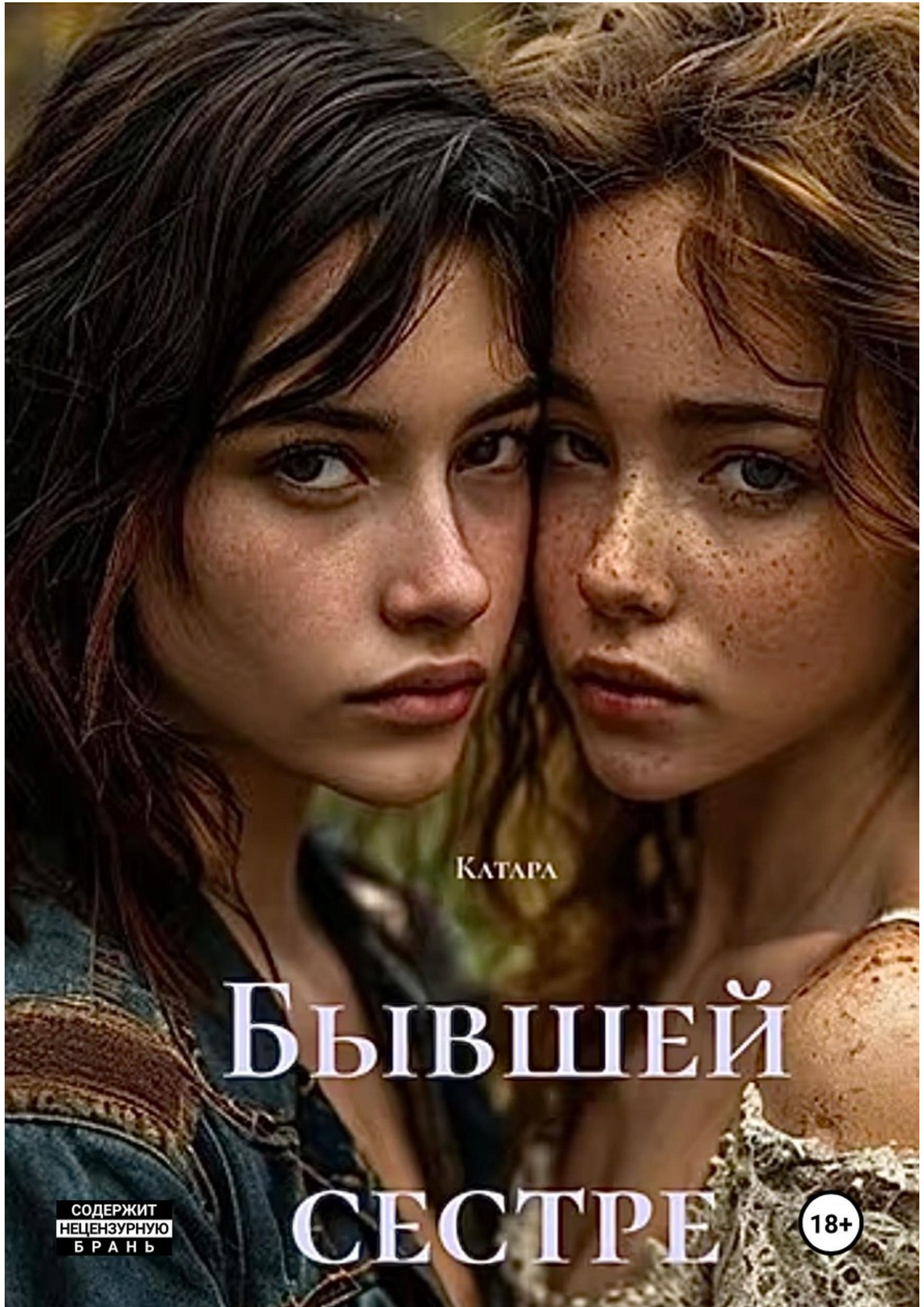

КАТАРА

БЫВШЕЙ СЕСТРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катара

Бывшей сестре

«Автор»

2026

Катара

Бывшей сестре / Катара — «Автор», 2026

Многолетняя дружба, ставшая историей одного предательства. Когда слова оказываются бессильны, на помощь приходят строки. Этот сборник — попытка превратить невыносимую боль в искусство, а предательство — в опыт. Откровенный разговор о том, что остается внутри, когда рушится мир, построенный на доверии. Я пишу это о тебе, надеюсь мне будет легче.

© Катара, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Иллюзия вечности	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Катара Бывшей сестре

Глава 1. Иллюзия вечности

В тринадцать лет
переезд кажется
не просто сменой города,
а маленьким концом света.
Будто у тебя забирают
не только двор,
не только привычный маршрут до магазина,
не только окна,
в которые столько раз смотрела по вечерам,
но и саму тебя —
ту версию,
которая знала,
где её место.
Я приехала в новый город
с чувством,
что всё теперь придётся начинать заново.
Новая школа.
Новый класс.
Новые лица,
в которых не было
ни одной знакомой черты,
ни одного взгляда,
за который можно было бы зацепиться
и выдохнуть.
Я помню тот день
почти по кадрам.
Я захожу в кабинет,
ловлю на себе чужое любопытство,
чью-то скуку,
чью-то быструю оценку —
и среди всех лиц
вижу тебя.
Ярко-зелёные глаза.
Длинные светлые волосы.
И взгляд,
который тогда показался мне
надменным.
Я посмотрела на тебя
и почему-то сразу подумала:
вот именно ты
самая неприятная девочка в классе.
Сейчас я понимаю,

что ты не смотрела на меня свысока.
Наверное,
ты просто тоже была закрытой.
Просто тоже настороженной.
Просто не из тех,
кто бросается навстречу новеньким
с улыбкой и вопросами.
Но в тот момент
я этого не знала.
Почти все подошли знакомиться.
Ты — нет.
И именно поэтому
я тебя запомнила.
В первую учебную неделю
со мной сблизились две девочки.
Точнее,
они сами решили,
что мы будем общаться.
Я не искала дружбы специально.
Не потому что была зажатой
или робкой,
нет.
Я не была тихоней
и не пряталась по углам.
Просто мне всегда было
комфортнее одной,
чем в компании,
где нужно подстраиваться
под чужой шум.
Эти новые «подружки»
мне почти сразу не понравились.
В них было слишком много
того, что я никогда не любила:
пафоса,
какого-то нелепого соперничества
даже в мелочах,
колкостей,
замаскированных под шутки,
и постоянного желания
быть выше друг друга
хотя бы на полголовы.
А мне хотелось другого.
Спокойствия.
Искренности.
Нормального человеческого тепла,
без игры на публику.
Позже я узнала,
что тебя зовут Настя.
Ты общалась с двумя отличницами,

держалась рядом с ними,
но даже тогда
не производила впечатления
«звезды класса».
Ты не была самой популярной,
самой громкой,
самой заметной.
Скорее наоборот —
обычная девочка,
почти незаметная,
из тех,
на кого редко смотрят
дольше пары секунд.
И я продолжала жить
свою новую школьную жизнь,
в которой всё ещё чувствовала себя
временно.
Как будто ещё немного —
и меня вернут обратно,
туда,
где всё было понятно.
Но однажды
всё изменилось.
В классный чат
пришло сообщение.
Я до сих пор помню
это странное ощущение,
когда одно уведомление
может за несколько минут
перевернуть чью-то школьную реальность.
Там было что-то вроде:
«Вы только посмотрите на эту выскочку».
И дальше —
твой профиль,
твои сообщения,
которые кто-то вытащил
на всеобщее обозрение.
Ты писала одной из своих подруг-отличниц,
что они живут неправильно,
что ты будешь моделью,
что разбираешься в моде,
в отличие от них,
что до твоего стиля
им далеко.
Сейчас я думаю:
в тринадцать лет
мы все иногда говорим
что-то глупое,
смешное,

слишком громкое для того,
что на самом деле чувствуем внутри.
Иногда за такими словами
не высокомерие,
а наоборот —
хрупкость,
которая отчаянно пытается
выглядеть уверенностью.
Но тогда
никто не хотел разбираться.
Класс решил быстро.
Тебя отправили в молчание.
В школьный бойкот,
который всегда выглядит особенно жестоко
именно потому,
что формально
тебя никто не бьёт,
не оскорбляет в лицо,
не устраивает сцен.
С тобой просто
перестают говорить.
А иногда это больнее всего.
На одном из уроков —
кажется, это было ИЗО —
ты подошла ко мне
и попросила цветные карандаши.
Я помню,
как одна из моих новых подружек
сразу зашептала мне на ухо,
чтобы я тебя проигнорировала.
Чтобы не давала.
Чтобы тоже показала,
на чьей я стороне.
Но я и не собиралась
слушать её.
Не потому что мне было
так уж сильно тебя жаль.
Скорее потому,
что я слишком хорошо знала,
как это ощущается —
когда на тебя смотрят
как на пустое место.
Когда тебя выталкивают
из общего круга
так,
будто это ничего не значит.
И я просто
по-человечески
дала тебе карандаши.

Без пафоса.
Без особой мысли,
что с этого начнётся
что-то важное.
Просто одолжила.
А уже на следующем уроке
сама подсела к тебе.
Мои новоиспечённые подружки,
конечно,
обиделись.
Я чувствовала это
по их лицам,
по взглядам,
по нарочито холодному тону.
Но мне было всё равно.
С тобой оказалось
удивительно легко.
Мы начали разговаривать —
сначала осторожно,
словно нащупывая,
можно ли друг другу доверять,
а потом всё свободнее.
После школы
мы пошли вместе.
Потом ещё раз.
И ещё.
Сначала это были
не прогулки даже,
а просто дорога домой,
растянутая разговорами.
Но именно из таких мелочей
обычно и складывается
начало дружбы:
из лишних десяти минут,
из неслучайных совпадений маршрута,
из фраз
«тебе тоже в эту сторону?»
и «давай ещё немного пройдемся».
Ты оказалась
совсем не той,
какой я увидела тебя в первый день.
Не надменной.
Не колючей.
Не «самой сучкой класса»,
как я зачем-то решила про себя.
Ты была
обычной.
Хорошей.
Доброй.

И очень раненой.
Ты открылась мне
почти сразу.
Я так не умею.
Во мне всегда было
слишком много внутренних замков,
слишком много привычки
держат настоящее при себе.
Поэтому я тоже рассказывала о себе —
но аккуратно,
только верхний слой.
Только то,
что не страшно произнести вслух.
Мы говорили о школе,
об учителях,
об одноклассниках,
о родителях,
о каких-то бытовых мелочах,
которые в тот возраст
и составляют целую жизнь.
Это был
самый обычный период
становления дружбы.
И, может быть,
именно поэтому
он потом казался мне
таким драгоценным.
В какой-то день
был праздник.
Я уже не помню какой.
Помню только холод,
зиму
и ощущение,
что у нас с тобой
впереди целый вечер,
который принадлежит
только нам.
Я позвала тебя гулять.
Мы взяли шаурму
в маленьком ларьке,
который тогда казался
самым вкусным местом в мире,
и горячий шоколад,
чтобы греть руки.
Сейчас это воспоминание
кажется мне почти кинематографичным:
две девочки,
у которых почти никого нет,
идут по зимнему городу,

держат в руках тёплые стаканчики
и медленно учатся
не быть друг другу чужими.
У тебя не было друзей.
У меня не было
никого близкого
в новом городе.
Только ты.
И я.
И это чувство,
что, может быть,
одинокчество
можно разделить пополам,
и тогда оно станет
не таким тяжёлым.
Во время той прогулки
я рассказывала тебе
о своей семье,
о родителях,
о доме,
который остался в прошлом городе,
о себе —
настолько,
насколько тогда могла.
Ты тоже говорила о маме,
между делом упомянула,
что тебе нужно домой к девяти.
К тому моменту
ты уже была у меня в гостях.
А я у тебя — нет.
И это казалось мне странным.
Не тревожным,
не подозрительным,
а именно странным.
Как будто в нашей дружбе
была комната,
дверь в которую
ты всё время
оставляла закрытой.
Спустя время
я всё же спросила,
почему так.
И ты призналась.
Сначала неуверенно.
Словно ждала,
что после этих слов
я тоже отодвинусь,
тоже посмотрю иначе,
тоже начну жалеть

или, хуже того,
стыдливо молчать.
Ты сказала,
что родителей у тебя,
по сути, нет.
Что папа умер.
Что мама пьёт.
Что живёшь ты с бабушкой.
Я не знаю,
почему ты так боялась
мне это сказать.
Для меня это ничего не испортило.
Не уменьшило тебя.
Не сделало «другой».
Не заставило отшатнуться.
Наоборот.
В тот момент
я прониклась тобой
ещё сильнее.
Мне казалось,
что твоё доверие —
это что-то очень важное.
Что если человек
показывает тебе
свою боль,
значит,
ты действительно стал ему близок.
Тогда я ещё не знала,
что чужая откровенность
и настоящая близость —
не всегда одно и то же.
Что некоторые люди
умеют быстро открывать раны,
но не умеют
по-настоящему впускать.
Мы были разными.
Очень.
Ты — спокойная,
стеснительная,
робкая.
Из тех,
кто не спорит лишний раз,
не перебивает,
не говорит поперёк.
Я — громкая,
смешливая,
живая,
с вечной привычкой
вести за собой,

шутить,
заполнять собой пространство.
Даже внешне
мы были противоположностями.
Ты — светлая,
с длинными волосами
и прозрачной мягкостью во взгляде.
Я — тёмная,
с карими глазами,
кудрявыми волосами,
смуглой кожей
и характером,
который всегда входил в комнату
раньше меня.
Возможно,
мне нравилось,
что рядом с тобой
я особенно чувствовала себя лидером.
Возможно,
мне было удобно
быть сильной там,
где ты охотно уступала.
А может быть,
правда была ещё проще:
в тебе было что-то,
что отзывалось во мне
не жалостью,
а желанием беречь.
И тогда
я ещё не думала
о выгоде,
о ролях,
о скрытых перекосах,
которые потом
вырастают в пропасть.
Тогда мне казалось только одно:
ты тоже рада,
что нашла меня.
Так же,
как я была рада,
что нашла тебя.
В тринадцать лет
нам кажется,
что если человек
появился в момент,
когда тебе особенно одиноко,
значит,
он появился навсегда.
Что случайные встречи

на самом деле не случайны.
Что первая зимняя прогулка,
горячий шоколад,
чужая откровенность
и дорога после школы —
это уже почти обещание вечности.
Мы ещё не знаем,
что некоторые люди
приходят в нашу жизнь
не чтобы остаться,
а чтобы научить нас
путать спасение
с привязанностью.
Но тогда
я этого не понимала.
Тогда ты казалась мне
тихой девочкой
с зелёными глазами,
которую весь класс
почему-то не сумел разглядеть.
И, наверное,
в каком-то смысле
я тоже.
Только позже
я пойму,
что иногда
мы влюбляемся
не в человека,
а в собственную версию
его боли,
его нежности,
его нужности.
И называем это
дружбой,
которой суждено
длиться вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.